

Старина́ про Илью Муромца

Издáлеця-далéця, из циста поля,
Что из славной матушки да Золотой Орды,
Подымается собака злой неверной пан,
Злой неверной пан — молодой Салтан,
Молодой Салтан сын Салтановиць.
Собират он войско великоё,
Собират собраньё немалоё:
Собират сорок царей, сорок царевицей,
Собират сорок королей, королевичей.
Подо всякого царя он, царевица,
Подо всякого короля, королевича
Он даёт силы — по сорок тысяць.
Выходили оне на луги зелёные,
Выступали оне на травы шелковые —
Тут садился Салтан на сырú землю,
Он писал ерлык скорописцетой,
Отсылал ерлык да во Светую Русь.
Отсылал с послом со скорым,
Он с седой бородой да с Большой Ордой.
Тут приходит пóсол скорый во Светую Русь,
Он заходит в палаты княжевецкие,
Он кладёт ерлык на дубовой стол.
Тут подходит князь Владимир стольнё-киевской,
Он берёт ерлык, роспецятыват;
Роспецятывал, скоро процитывал,
Процитал ерлык — запецялился.
Тут подходит кнегиня Опраксия:
«Уж ты ой еси, Владимир стольнё-киевской,
Уж ты што жо ек загорюнилсе?
Уж ты што жо ек запецялилсе?» —
«Уж ты ой еси, кнегиня Опраксия,
Ище как жо мне не горюнитсье,
Уж и как жо мне не печалитьсье?
Что издáлеця-далéця, из цистá поля,
Что из славной матушки Золотой Орды,

Подымается собака злой неверной пан,
Злой неверной пан — молодой Салтан,
Молодой Салтан сын Салтановиць.
Собират он войско великоё,
Собират собраньё немалоё:
Собират сорок царей, сорок царицей,
Собират сорок королей, королевией.
Подо всякого царя он, царица,
Подо всякого короля он, королевия
Он даёт силы — по сороку тысяцей». —
«Уж ты ой еси, Владимир стольнё-киевской!
Не горюйся ты, не пецялуйся,
Ты сходи-ко во Божью церковь,
Сослужи-ко ты больши цестны молебены;
Быват, вышнё-т Спас не оставит нас:
Богородица — о нас пецельщица».
Тут князь Владимир стольнё-киевской
Пошёл во Божью церковь,
Сослужил он там больши цестны молебены.
Из церкви-то идёт из Божией —
Тут навстречю ему Илья Муромець,
Илья Муромець сын Ивановиць,
Он и стретилсе — сам отпетилсе,
Сам отпетилсе, низко кланелсе:
«Уж ты здраствуёшь, Владимир стольнё-киевской!» —
«Уж ты здраствуёшь, Илья, Илья Муромець,
Илья Муромець сын Ивановиць!» —
«Уж ты ой еси, Владимир стольнё-киевской!
Уж ты што жо ек загорюнилсе?
Уж ты што жо ек запецялилсе?» —
«Уж ты ой еси, Илья, Илья Муромець,
Илья Муромець сын Ивановиць!
Уж и как жо мне не горюниться,
Не горюниться, не пецялиться!
Как издáleця-далёця, из цистá поля,
Што из славной матушки Золотой Орды,
Подымается собака злой неверной пан,
Злой неверной пан — молодой Салтан,
Молодой Салтан сын Салтановиць,

Собирает он войско великое,
Собирает собранье немалоё:
Собирает сорок царей, сорок цариц,
Собирает сорок королей, королев,
Под каждого царя он, царица,
Под всякого короля он, королева
Он даёт силы — по сорок тысяч». —
«Уж ты ой еси, Владимир стольник-киевский,
Не горюй ты, не печалься.
Вышнёт Спас не оставит нас:
Богородица — о нас пещельница.
Уж ты дай мне три русских богатыря:
Дай Олешеньку Поповица, и Добрынюшку Микитица,
И Долгополова Залешана.
Поставь ты во чистое поле бел шатёр,
Откати там сорок бочёк зелена вина,
Откати там сорок бочёк пива пьяного,
Откати там сорок бочёк мёду сладкого!»
Собирались-сокоплялись ко белу шатру
Все русские могучие богатыри —
Ко белу шатру, к зеленому вину,
К зеленому вину, к пиву пьяному,
К пиву пьяному, к мёду сладкому,
Пили-жили всю ночьку тёмную.
Наставает день светёл-радостен —
И выходит Илья Муромец на улицу:
Полотном земля-мати сгибаеться,
От пару-пáру лошадиного
Померкнул в небеси светёл мисець.
Где-ка óт духу-дúху целовецьёго
Померкнуло в небеси со(л)нцё красное.
Илья Муромец зашёл во бел шатёр:
«Уж вы ой еси, братья-товариши!
Вам полно спать, да пора ставать!
Я поеду дорожкой прямоезжею,
А поезжайте вы дорожками окольными.
Как пробреньчит моя палица железная, —
Вы бейте-ломите всю силу неверную!»

Слышали, что Илья проговорил, а не слышали, не видали, как он уехал. Ехал-
ехал — прямо к
Салтанову дому.

Привезал коня ко столбышку дубовому,
Ко колецьку золоцёному.

Зашёл. Салтан ес<т> сидит и спрашивает:

«Ес<т>ь у вас на Руси Илейка Муромец?

Много ли он хлеба ес<т>?» —

«Он хлеба ес<т> по коврижке». —

«Много ли пива пьёт?» —

«Он пива пьёт по братыньке». —

(Ека чашка с рожком.)

«Много ли он мяса ес<т>?» —

«Мяса ес<т> по кусоцьку». —

«Я пива пью — по лагуну́,

Хлеба ем — по квашни́,

Мяса ем — по быку́!» —

«Я самой и есь Илья Муромець!»

Тут пошли оне на улицу силу мерить, схватились врукопашку — некоторой
не могут друг
дружку победить. Илья-та Муромець ухватив был. Ухватил булатной мець
и срубил Салтану
буйну голову. Пал Салтан на сыру́ землю. Только земля-мати подроже́ла.
Илья Муромець скоцил
и уехал бить силу неверную.

Бились оне двенадцеть дней и двенадцеть ноцей —

Не пиваючи, не едаючи,

Добрым коням здоху не даваючи.

Собиралися-сокоплялися

Ко белу́ шатру, к зелену́ вину,

К зелену́ вину, к пиву пьяному,

К пиву пьяному, к мёду сладкому.

Пили-жили всю ноцьку тёмную.

Наставаёт день светёл-радостён —

Выходит Илья Муромець на улицу,

Смотрит по Каньскому побоишшу.

Едёт Салтанова мать на железной ступы,
Сама пестом приколачиваёт,
Сама песту приговаривает:
«Кабы была я на Каньском побоишке —
Не дала бы я Салтана в обидушку!
Кабы был етта Илейка Муромець —
Дак на одну долонь посадила,
А другой долонью тяпнула,
Стяпнула ёго бы в шаньгу кислую!» —
«Уж вы ой еси, братцы-товаришши!
Вам полно спать, да пора ставать:
Едёт Салтанова матушка...
Кого мне послать?
Послать мне Долгополого Залешана —
Он в долгих полах запутатсе.
Послать мне Добрынюшку Микитиця —
Он силой не силён, напúском смел».
Поехал Добрынюшка Микитиць-свет.
Она штаны ёму с жопы сдёрнула,
По жопы Добрыню хлопнула:
«Не хочу с тобой дратьсе!
Пошли мне Илейку Муромьца!»
(Илья Муромець поехал, сразу ей убил. Опеть...)
Бились двенадцать дней, двенадцать ночей —
Не пиваючи, не едаючи,
Добру коню здоху не даваючи.
Собиралисе-сокоплялисе
Ко белú шатру, к зеленú винú,
К зеленú вину, к пиву пьяному.
К пиву пьяному, к мёду сладкому.
Пили-жили всю ноцьку тёмную,
Наставает день светёл-радостён —
Выходит Илья Муромець на улицу,
Смотрит по Каньскому побоишшу.
Едут два братця, два Суздальце.
Два Суздальця, два Ондреиця,
Говорят оне реци несбытошные:
«Кабы был в землю столбышок —
Дак всю землю повернули!

Кабы была на небо лестница —
Дах всех бы святых пересекли!
Кабы были на Каньском побоище —
Дах не дали бы Салтана в обидушку!
Кабы был етта Илейка Муромець —
Дах его бы в грезь стоптали!»
Заходит Илья Муромець в бел шатёр:
«Ой еси, братцы-товаришши!
Хватит вам спать, пора ставать!
Едут два братца, два Суздальце,
Два Суздальце, два Ондреиця,
Говорят оне реци несбытошные.
Кого мне послать? Самому ехать надь!»
Слышали оне, как он реци говорил,
А не слышали, как он поехал.
Билися двенадцеть дней и двенадцеть ноцей.
Где-ка палиця катит — тут и улицами,
А поворотитсе — дах переулками.
Билися ек двенадцеть дней и двенадцеть ноцей —
Не пиваюци, не едаюци,
Добру коню здоху не даваюци.
Собиралисе-сокоплялисе ко белу шатру
Все русские могуцие богатыри:
Ко белу шатру, к зелену вину,
К зелену вину, к пиву пьяному,
К пиву пьяному, к мёду сладкому.
Пили-жили всю ноцьку тёмную.
Наставаёт день светёл-радостён —
Выходит Илья Муромець на улицу,
Смотрит по Каньскому побоишшу,
Идёт молодой Сокольницёк,
Говорит он реци несбытошные:
«Кабы был я на Каньском побоишше —
Не дал бы я Салтана в обидушку!
Кабы был етта Илейка Муромець —
Дах его я бы в грезь стоптал!»
Тут заходит Илья Муромець в бел шатёр.
«Уж вы ой еси, братцы-товаришши,
Хватит вам спать, пора ставать:

Едѣт молодой Сокольницѣк,
Говорит он реки несбытошные:
„Кабы был я на Каньском побоишше —
Не дал бы Салтана в обидушку!
Кабы был здесь Илейка Муромецъ —
Дак его я бы в грезь втоптал!”»

Поехали все, и он с имá. Бились двенадцать дней, двенадцать ночей.
Съехались конями сперва,
потом врукопашку.

Нога права у Ильи подкосиласе,
Пал Илья на сыру землю —
Въехал молодой Сокольницѣк на белую грудь.
Вымат Сокольницѣк булатной нож,
Хоцѣт пороть латы княжевецъкие,
Хоцет вымать ретиво серьцѣ.
Помолилсе тут Илья Муромецъ Миколе Угоднику.
С боку на бок Илья пошевелилсе —
С плеча на плечѣ Илья пошевелилсе —
Въехал к молодому Сокольницъку на белую грудь,
Хоцѣт пороть латы княжевецъкие,
Вымать ретиво серьцо.
Тут увидел Илья у ёго на грудѣ-то крест:
«Ты какой стороны, какой земли?
Ты какого отца-матери?»
Отвѣцяѣт Ильѣ Муромъцу Сокольницѣк:
«Кабы я был на твоей белѣй грудѣ —
Я не спрашивал бы отчества, не молодецества,
Порол бы твои латы кнежевецъкие.
Вымал бы твоѣ ретиво серьцо!»

Он ему сказал: «Ты мне сын! Поезжай!» *(Ну, больше я и всё.)* А когда
воротились оне, дак
Сокольник-от ишо забежал да копьѣм — Илью-ту. Копьѣ-то попало в крес<т>.
А домой-ту приехал
Сокольник, дак матере-то говорит: «Пошто ты отца мне не поведала?» И
убил мать-ту.

*(Зап. З. И. Власовой 27 июля 1958 г.: д. Кельчем-гора Лешуконского р-на —
от Шишовой Анны Васильевны, 68 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.